

52). Да и выстрелы в этих рассказах звучат не так уж часто. Мы ощущаем в них умиротворяющую силу природы и свою сопричастность тому, что в ней происходит. В «Автобиографических заметках» Соколов-Микитов замечает: «Зажженная моим отцом любовь к природе никогда во мне не погасла. С охотничьим ружьем в руках много раз побывал я в самых далеких краях нашей страны»¹

И. С. Соколов-Микитов называет описание своих охотничьих странствий очерками. Но с этим определением нельзя полностью согласиться. В некоторой степени они сближаются с лирическими рассказами, в которых порой чувство преобладает над мыслью. Авторское «я» с его личной заинтересованностью и лиризмом восприятия неизменно присутствует в каждом, даже самом маленьком фрагменте рассказа. Не случайно и повествование автор разбивает на краткие главы, из которых каждая имеет самостоятельное не только сюжетное, но и лирическое значение.

Некоторые новеллы цикла «Рассказы охотника» публицистичны. В них Соколов-Микитов выступает как защитник природы, осуждая потребительское отношение к ней. Охота, считает писатель, не нажива, а поэзия, возможность остаться наедине с природой, любовь и интерес к которой он стремился привить своим читателям.

А.М. Бойников

КОНЦЕПТЫ «ДОМ», «ПРИРОДА», «ВОДА» В СТИХОТВОРЕНИИ Н.И. ТРЯПКИНА «ЛЕГЕНДА»

Одним из продуктивных направлений современной филологии становится исследование художественного мира писателя с позиций его концептосферы, которая складывается из той или иной суммы концептов, «живущих» в отдельных произведениях². В рамках настоящей статьи мы остановимся на специфике функционирования и использования концептов «дом», «природа», «вода» в стихотворении Н.И. Тряпкина «Легенда» (1953).

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы имеем в виду художественные концепты, которые по своей сути «индивидуальны, личностны, размыты и психологически более сложны; это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающий на основе художественной ассоциативности»³.

¹ Соколов-Микитов И.С. Автобиографические заметки// Соколов-Микитов И.С. Собр. соч. Т. 3. С.187.

² См., например: Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

³ Там же. С. 35.

Принципиально значимым для нас является и утверждение о том, что концепт, будучи основой поэтической картины мира, представляет собой результат «столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом»¹.

Для анализа специфики концептуализации поэтом описываемого события особое значение имеют предтекстовые пресуппозиции, а также их взаимосвязь и взаимообусловленность. Во-первых, стихотворение «Легенда», довольно большое по объёму (15 четверостиший) повествует о создании в 1937 г. Иваньковского водохранилища (неофициальное название «Московское море») и строительстве канала «Москва-Волга» (с 1947 г. – канал имени Москвы), при осуществлении которого в зону затопления попали старинный город Корчева, 110 деревень Шошинской низины, большие площади прекрасных пойменных лугов и лесов. В результате исчез не только уникальный географический и историко-культурный ландшафт, но и радикально изменилась жизнь нескольких тысяч людей, насильственно согнанных с родных мест и в прямом смысле лишённых дома. Во-вторых, нужно учесть личные переживания самого поэта, уроженца д. Саблино Старицкого уезда Тверской губернии: в 1930 г. семья Тряпкиных, спасаясь от неминуемого «раскулачивания», была вынуждена бросить на произвол судьбы дом и нажитое хозяйство и спешно переехать в с. Лотошино Московской области. В-третьих, стихотворение написано во времена тотального идеологического диктата, и выразить своё истинное отношение к этой «стройке коммунизма» можно было только путём его кодирования эзоповым языком, но никак не «открытым текстом». По этой причине произведение аллегорично, личное присутствие автора в тексте почти неощутимо, а его мысли, чувственные и эмоциональные оценки происходящего персонифицируются различными обитателями природного мира. Таким образом, созданию «Легенды» способствовало возникшее в сознании поэта мощное психологическое напряжение, вызванное и интенсифицируемое, с одной стороны, воскрешением ситуации насильственного изменения жизненных перспектив и среды обитания человека (резонансно подпитываемое личными фрустрационными переживаниями), и с другой – практической невозможностью чем-либо помешать этому изменению.

Слово «легенда», в котором до логического и образного предела спрессовано всё содержание стихотворения, повторяется в нём дважды: в заглавии и в последней строфе. Формальный элемент – замкнутая кольцевая композиция – в концептуальном плане как раз и воплощает собой невозможность найти желаемый выход из неумолимой социальной реальности. Однако в силу своей полисемии и исторического кон-

¹ Там же. С. 28.

текста слово «легенда» обладает весомой и стержневой значимостью в раскрытии авторской концепции, поскольку имеет два полярных словарных значения: первое – «преданье о чудесном событии»¹ (здесь и далее подчёркнуто нами. – А.Б.) с коннотациями «сказка» (чудесное) и «реальность» (событие), которое легко укладывается в идеологический стереотип раннесоветской эпохи, когда «сказка» делалась «быльё»; и второе – «вымысел, выдумка»². Сталкивая его первое значение со вторым, Н.И. Тряпкин имплицитно выразил сомнение в целесообразности создания канала и водохранилища и ввёл в семантическое пространство произведения содержательно-концептуальную оппозицию «реальность/вымысел». Мы также полагаем, что индивидуально переосмысленный поэтом концепт «легенда» по отношению к концептам «дом», «природа», «вода» нужно рассматривать в исследуемом стихотворении как интегрирующий макроконцепт, определяющий смысловую, экспрессивную и эмоциональную составляющую каждого из них.

Вторая бинарная оппозиция «Легенды», тесно связанная с первой, – оппозиция «естественность/неестественность», развёртываемая на протяжении всего текста. Естественность соотносится с миром природы (и входит в содержание соответствующего концепта), неестественность – с деятельностью человека по его преобразованию.

Концепт «дом» играет в стихотворении основополагающую роль: дом есть не что иное, как сакральная область пространства, символ средоточия осёдлого существования человека и символ самого человека, нашедшего своё место во Вселенной. И сердцевиной концептуального мировидения поэта в «Легенде» можно считать трагизм утраты Дома и, следовательно, десакрализацию человеческой жизни. Этот процесс сопровождается и модифицируется в стихотворении несколькими побочными действиями, а также усиливается периферией концепта – ассоциативными, контекстуально обусловленными образными репрезентациями и смешанной хронологией лирического сюжета.

Именно природа, подчёркнуто одушевлённая, ассоциируется у поэта с размеренной, выверенной столетиями жизнью русской деревни – крестьянского Дома:

Под мостом ночевала сова –
Лупоглазая гостя случайная.
И шептала осока-трава
Ей какие-то новости тайные.

А речонка, хотевшая спать,

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 242.

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. С. 34.

Кисеёю от мошек завесилась,
Подкатив незнакомке кровать –
Чурачок в зеленеющей плесени¹.

Перед нами – естественный природный мир, пребывающий в состоянии покоя; появляется даже предмет домашнего обихода – «кровать». Но слово «тайные» с коннотациями «беспокойство», «волнение» уже вносит в его бытие некоторый эмоциональный диссонанс, который в третьей и четвёртой строфах усиливается цепочкой понятий с «тревожной» семантикой: «Но тревожно крутила сова // Беспокойными жёлтыми взглядами. // И печально смотрела туда – // В голубую заречную сторону...» (92). Слово «жёлтые» в данном контексте обладает двойным значением: а) прямым – цвет зрачков совы; б) переносным – цветовым символическим воплощением печали и в данном контексте – разлуки. Этот ряд продолжается в 10-й и 13-й строфах: «над бедной совой», «немало расстроенных сов» (93).

Пятая строфа образует первую кульминационную точку стихотворения:

Где родные лесные углы
В эту ночь разрезвились пилами,
И гремели большие стволы
И на тропы ложились настилами.

В одном из этих стволов и находился дом совы («оконце дупла»), который вскоре постигла та же участь: «Только старую липу с дуплом // Сняли с корня вот-вот, перед вечером...» (93).

Содержательно-фактуальная информация о начале реального претворения «легенды» в жизнь расширяет семантический радиус заглавия. Кроме того, она проясняет смысл распространённого приложения «лупоглазая гостя случайная», характеризующего нынешнее положение совы (и человека), утратившей дом как точку опоры во Вселенной и потому ночевавшей в неестественном для неё месте – «под мостом». Здесь уместно вспомнить и о том, что дерево, как в поэзии, так и в реальности, символизирует прошлое и саму жизнь. Оно беззащитно и потому его уничтожение без разумной оправданности является варварством и безнравственностью.

В VI – IX-й строфах происходит смещение хронологии, поскольку они рассказывают о предшествующей жизни совы, вынужденной покинуть обжитой дом-дупло. Однако на текстовом макроуровне общая темпоральная перспектива словно и не нарушается. Данный фрагмент не только продолжает рассказ о строительстве канала, но и даёт представление о реакции на него обитателей природного мира, повадки ко-

¹ Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. М.: Художественная литература, 1984. С. 92. Далее стихотворение «Легенда» цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

торых аллегорически прозрачны и экстраполируются на человеческие характеры и поведение. У Н.И. Тряпкина аллегория принимает ярко выраженное индивидуально-авторское воплощение:

К ней однажды в оконце дупла,
Заглянула сорока пролётная,
И чего и чего не сплела
Тараторка, сума перемётная:

Будто рощицы в наших местах
Назначенье былое утратили...(92).

Это – классический пример «эзоповского языка». Сорока в народных представлениях всегда считалась лишь источником и олицетворением никчёмной болтовни и сплетен, что подтверждает и данное ей определение («тараторка, сума перемётная»). Вместе с тем, социальный подтекст строк «Будто рощицы в наших местах // Назначенье былое утратили» довольно ясно и реалистично отсылает сознание читателя к стандартным формулировкам партийно-государственных решений советского периода¹. Одновременно в последующих строках рисуется совершенно неестественная (мифологическая) картина того будущего, которое якобы станет реальностью на месте затопленных роц-домов: «И начнут рыбаки на китах // Здесь волну торопить, как на катере» (92).

Восьмая строфа вновь актуализирует первое значение слова «легенда», добавляя в него коннотацию «ирреальность»:

Деревенский скворец прилетал
И дрозду сочинял про хозяина:
Будто роет молочный канал
Под вишнёвою ихней окраиной (93).

«Молочный канал», преображённый поэтом сказочный образ «молочной реки с кисельными берегами», накладывается на реминисценцию названия пьесы А.П. Чехова «Вишнёвый сад». Образ этот символически многогранен, ибо представляет собой и «олицетворённое прошлое», и «олицетворение ценности и смысла жизни на земле»², и красоту, и всю Россию. «Вишнёвая окраина» Н.И. Тряпкина символизирует в содержательно-фактуальном аспекте – часть, а в содержательно-концептуальном – всю деревенскую крестьянскую Россию, обречённую на уничтожение.

Вторая кульминационная точка стихотворения (9-я строфа) аккумулирует в себе смысловую и эмоциональную доминанту концепта

¹ Подобный приём использовал, например, С.Д. Дрожжин (1848-1930) в стихотворении «Сорока» (1920). См. об этом: Бойников А.М. Поэзия Спиридона Дрожжина: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005, С. 165-166.

² Громов М.П. Чехов. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 373, 374.

«дом», выраженную в афористическом, напоминающем пословицу, изречении:

Только старую липу с дуплом
Сняли с корня вот-вот, перед вечером,
А уж если нарушился дом –
На пеньках и просиживать нечего... (93)

Всё это делает дальнейшую жизнь человека, оторванного от своего дома и прошлого, неестественной, неорганичной, ущербной и, в первую очередь, с точки зрения её духовной гармонии. Трагедия «бездомности» нагнетается вопросительным предложением со словом «где» и повтором неопределённого наречия «где-то» в ответе на него:

Где курилась над бедной совой
Эта ночка сырая, недолгая?
Где-то здесь, под Москвою-рекой,
Где-то здесь, между нею и Волгою (93).

Недаром в 13-й строфе «дом» заменяется его семантической модификацией – «питомником», которая в данном контексте носит обобщающий характер и приобретает явно отрицательный оценочный ореол: «И немало расстроенных сов // Мы пристроили в этих питомниках» (93). Кроме того, в предпоследней, 14-й, строфе вновь заостряется трагизм утраты дома, теперь уже людьми: «...и птицам к вершинам другим // За людьми подниматься приходится» (93).

Можно констатировать, что объёмы концептов «дом» и «природа» в этом стихотворении в значительной степени пересекаются друг с другом.

Концепт «вода» присутствует в стихотворении повсеместно, в том числе в многочисленных лексических репрезентациях: «речонка», «волны», «с волжской волной», «канал», «Москва-река», «море». Он также представлен смежным словарным рядом: «киты», «катер», «плыть», «лодка», «грести». В символическом плане вода – источник жизни и одновременно таит в себе угрозу гибели, водоворот – символ трудности и переворотов. Так и в «Легенде» под водой не только гибнет прежний дом человека и природа, но и рождается новая жизнь: «И вздыхает судак под водой // На шальную луну августовскую» (93).

Здесь заявляет о себе ещё один смысл концепта «легенда» – процесс и результат действия, который также последовательно пронизывает весь текст произведения. Процесс действия – физическое уничтожение природы: «И гремели большие стволы, // И на тропы ложились настилами» (92), «Через мостик стальные жуки // Проползали с берёзой напыленной» (93). Его результат – «рукотворное море Московское». Однако вместо величия грандиозного преобразования Н.И. Тряпкина подчёркивает его прагматическую мизерность и видимую никчёмность по сравнению с затраченными усилиями, другими словами – пропасть между внешней стороной (реальностью) «легенды» и её пользой (вымыслом):

И сюда теперь с волжской волной
Ходят под руку волны Москва-реки,
И ребята на лодке ночной
Зажигают цветные фонарики (93).

Следовательно, в авторской интерпретации концепт «легенда» содержит ещё одну оппозицию «разрушение» (реальность) и «созидание» (вымысел), а заключительные строки стихотворения: «И сияет легендой живой // Рукотворное море Московское» – звучат весьма двусмысленно и являются, по сути, антифразисом, тщательно замаскированным патетической риторикой.

Таким образом, специфика индивидуального использования поэтом вышеперечисленных концептов на раннем этапе своего творчества позволила ему выразить достаточно явный протест против разрушения естественных условий жизни человека, варварского вмешательства в природные процессы и в целом – против разрушения крестьянской России.

Л.Н. Скаковская

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»

Женская тема – одна из самых важных в повести Валентина Распутина «Живи и помни», в которой писатель использует художественные возможности как эпических, так и лирических жанров русского фольклора.

Удивительно щедро и богата фольклорная палитра, в которой заимствовал Распутин свежие краски для создания образа Настены. И одно из первых мест в этом плане принадлежит народным эпическим песням-былинам, где любовная тема тесно переплетается с темой семейной жизни, атмосферу прочности и нерушимости в которой создает женщина-мать.

Широта художественных обобщений в былинах, вместивших жизненный опыт многих поколений, отражает свод нравственно-философских правил всего народа, из которого современный писатель может черпать то, что находится в соответствии с его индивидуальными, художественными пристрастиями, особенностями дарования. Эти творческие связи с фольклором в повести В.Г. Распутина можно проследить, обратившись к былинам о Дунае: «Дунай» и «Дунай и Настасья Королевична», сюжетно восходящих к глубокой древности.

Типологическая близость героини В. Распутина Настены с былинным образом Настасьи Королевичны подчеркивается уже общностью их имени.